

See discussions, stats, and author profiles for this publication at: <https://www.researchgate.net/publication/338950903>

Linguistic deviations in Russian in Slovene linguistic environment

Chapter · November 2015

CITATIONS

0

READS

12

1 author:

Irina Makarova Tominec

University of Primorska

16 PUBLICATIONS 1 CITATION

SEE PROFILE

Some of the authors of this publication are also working on these related projects:

Medkulturne razlike v primeru rusko-slovenskega stika [View project](#)

"The Phases of Linguistic Adaptation in spoken Russian in Slovenia and spoken Slovene in Russia" (Russian-Slovene Bilateral Project of Slovene National Research Agency ARRS, BI-RU/14-15-034)) [View project](#)

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

АКТУАЛЬНЫЕ
ЭТНОЯЗЫКОВЫЕ
И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОСТИ

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ
И ЭТНОЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ

—
ЯЗЫКОВЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ

—
ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА

Книга III

Издательский Дом ЯСК
Москва 2017

УДК 39
ББК 63.5
А 43

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
Проект № 17-04-16151, не подлежит продаже

Ответственный редактор:
д. филол. н. Г. П. Нецименко

А 43 Актуальные этноязыковые и этнокультурные проблемы современности: этнокультурная и этноязыковая ситуация — языковой менеджмент — языковая политика. Книга III / Отв. ред. Г. П. Нецименко — М.: Издательский Дом ЯСК, 2017. — 528 с. (Studia philologica).

ISBN 978-5-9500226-7-8

Книга продолжает многолетнюю традицию создания комплексных междисциплинарных трудов, начало которой было положено публикацией монографии «Язык — Культура — Этнос» (Москва, 1994). В создании данного труда участвовали представители разных международных исследовательских школ и направлений. В монографии рассматривается широкий спектр остроактуальных вопросов современности, в их числе проблематика этноязыковой и этнокультурной ситуации, языковой политики и конфликтологии, моноэтничного и полиэтничного бытования социума. Впервые вводится в поле зрения проблема языкового менеджмента, имеющая большую исследовательскую перспективу. В преемственности с предыдущими публикациями рассматриваются новые информационные технологии как средство внутриэтнической и межэтнической коммуникации. Книга предназначена для широкой читательской аудитории, научных работников разного профиля и специализации, преподавателей, студентов и аспирантов.

ISBN 978-5-9500226-7-8

9 785950 022678 >

УДК 39
ББК 63.5

© Издательский Дом ЯСК, 2017
© Авторы, 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 9

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ АКТУАЛЬНЫХ ЭТНОЯЗЫКОВЫХ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОСТИ

Нецименко Г. П. (Россия)

Языковая политика в контексте исторических традиций
и новых коммуникативных технологий. 15

Мразкова К. (Чехия)

Описание языковой ситуации как отправная точка
стилистической классификации языковых средств 69

Йилкова Л. (Чехия)

Лингвистический анализ телепередач
как пример организованного языкового менеджмента 85

Гоффманнова Я. (Чехия)

Устный чешский язык в речи
с высшими коммуникативными целями 93

Корженский Я. (Чехия)

Идеологические и историографические различия
в современной интерпретации
теории национального и литературного языка
в современной Чешской Республике 109

Артеменко О. И., Кузьмин М. Н. (Россия)

Современная языковая образовательная политика
и языковая ситуация в России 117

- Погорелая Е. А. (Приднестровье)*
 Становление новой системы
 идентификационных представлений личности
 в межкультурном пространстве постсоветского мира 135
- Штайнке К. (Германия)*
 Дигитализация, глобализация и другие угрозы языку 147
- Ондрейович С. (Словакия)*
 Несколько слов о пуризме и глобализме (глокализме)
 современности 159
- Литатов А. В. (Россия)*
 Европейская общность: в кругу поисков
 национального взаимопонимания (русские и поляки) 169

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ И ЭТНОЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В ДИАХРОНИИ И СИНХРОНИИ

- Серочук Е. (Польша)*
 Охрана диалектов — возможности и ограничения 187
- Плотникова А. А. (Россия)*
 Славянские островные ареалы зарубежья:
 восточнославянская и южнославянская традиции 207
- Хаванова О. В. (Россия)*
 «...и немного понимаю по-венгерски»:
 феномен полигlossии среди чиновников
 Венгерского королевства в XVIII в. 223
- Узенёва Е. С. (Россия)*
 К вопросу о культурно-языковой идентичности
 славян-мусульман северной Греции 243
- Макарицев М. М. (Россия)*
 Идентичность и власть, перформанс и практика
 в полевом исследовании. К изучению
 балканославянских идиомов в неславянском окружении . 261

- Макарова Томинец И. (Словения)*
 Языковые отступления в русском языке
 под влиянием словенской языковой среды 295
- Голяховска Э. (Польша)*
 Символическая ценность и коммуникативная функция
 белорусского и польского языков в Беларуси 327
- Ломтадзе Т. (Грузия)*
 Миграции грузинских евреев
 и их речевые трансформации 335
- Пилипенко Г. П. (Россия)*
 Языковая ситуация у воеводинских венгров
 через призму этнических анекдотов 343
- Лифанов К. В. (Россия)*
 «Правила словацкого правописания» 1931 г.
 в контексте развития словацкого литературного языка . . 357
- Ващенко Д. Ю. (Россия)*
 Локальные идиомы в интернете: некоторые вопросы
 функционирования (на словацком материале) 373

Язык, глобализация, идентичность

- Драгичевич Р. (Сербия)*
 Эмоциональное отношение говорящих к языку
 как критерий для исследования языковой идентичности . 405
- Нистратов А. А., Тарасов Е. Ф., Харченко Е. В. (Россия)*
 Репрезентация ценностей в языковом сознании
 у трех поколений русских: 20-и, 40-а и 60-и лет 417
- Крысин Л. П. (Россия)*
 Повседневная речь в лексикографическом отражении . . 437
- Коряковцева Е. И. (Польша)*
 К вопросу об инновационных процессах в русском,
 польском и чешском языках
 в эпоху глобальной интернационализации 455

Лукашанец Е. Г. (Белоруссия)

Молодежный сленг на просторах Рунета:
проблема источников материала 481

Людоговский Ф. Б. (Россия)

Проекты документов Межсоборного присутствия
Русской православной церкви о церковнославянском
языке и богослужебных текстах:
предыстория, обсуждение, результаты 503

Приложение 1.

Церковнославянский язык
в жизни Русской Православной Церкви XXI в. 515

Приложение 2.

Проект научного переиздания Триодей в редакции
Комиссии по исправлению богослужебных книг
при Святейшем Правительствующем Синоде (1907–1917).
Общие проблемы исправления богослужебных книг 523

ПРЕДИСЛОВИЕ

Завершается шестая коллективная монография, очередной этап нашей совместной работы. Прежде всего мы хотели бы поблагодарить РГНФ за поддержку наших исследований, за доверие (грант РГНФ № 14-04-00592а). Нам всем сейчас нелегко, но, наверное, очень важно, чтобы мы продолжали свои совместные усилия во благо служения общему делу. Перелистывая вышедшие труды, нельзя не заметить, что все они посвящены актуальным проблемам, которыми живут наши страны и наши народы. Мы благодарны фонду РФФИ (грант № 17-04-16151д) и издательству «Языки славянских культур» за помощь и поддержку.

В свое время мы принимали решение не избегать острых вопросов, и все это время старались неукоснительно следовать этому принципу, сохранять язык как важнейшее средство общения, его функционирование внутри этноса и за пределами метрополии. Наш путь на этом поприще был путем первопроходцев. Наверное, я никогда не забуду нашу первую конференцию в далеком 1984 году, на которую приехало более 150 гостей, в том числе из одной Чехословакии высадился дериватологический «десант», состоящий из 12 человек. Нам хотелось быть вместе в холодном декабре 1984 г.! Публикуемые нами книги уже по своей проблематике и поставленным задачам были путеводителями, они рассказывали о том, как и чем живут народы наших стран. Так, уже первая книга «Язык—Культура—Этнос», отражала наше общее желание сохранить дружеские отношения между нашими странами, их полиэтничность, первые федерации. Именно поэтому на первый план выходили проблемы языковой ситуации. Вторая книга «Язык как средство трансляции культуры» создавалась в период усиления миграционных потоков, поэтому мы акцентировали проблемы языковой и этнической идентичности. Очень интересной и острой была книга «Встречи этнических культур в зеркале языка», где в числе

ЯЗЫКОВЫЕ ОТСТУПЛЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ ПОД ВЛИЯНИЕМ СЛОВЕНСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ СРЕДЫ

1. До настоящего времени вопросы языковой адаптации русскоязычной диаспоры в Словении не попадали в зону устойчивого исследовательского интереса¹, хотя число русскоговорящих жителей Словении в последнее десятилетие заметно увеличилось². По неофициальным данным³ на сегодняшний день в Словении проживает около 5000 русскоговорящих, прибывших из различных стран бывшего СССР. При этом наибольшее количество приезжих привлекает

¹ Статья была написана в рамках словенско-российского билатерального научного проекта Агенства по научным исследованиям Республики Словения «Фазы языковой адаптации в речи разных поколений русскоговорящих в Словении и словенскоговорящих в России», номер проекта BI-RU/14-15-034. За помощь в сборе материала выражаем благодарность Российскому центру науки и культуры (РЦНК), особенно директору Рифату Патееву и специалисту по русскому языку Валерии Кильпяковой, родителям, детям и учителям Русской школы дополнительного образования «Веселые ребята» в Любляне, особенно директору Юлии Месарич, преподавателю Ольге Цыгановой, преподавателю русского языка гимназии Поляны Инес Возель и ее ученикам, а также Государственному экзаменационному центру за подготовку архивных материалов. В рамках проекта было также проведено исследование словенцев, проживающих в России [Pilipenko 2015].

² По данным МВД Словении на 30.08.2015 зарегистрировано 2322 действующих разрешения на временное/постоянное жительство гражданам Российской Федерации и 1841 действующее разрешение для граждан Украины, в совокупности 4163 человека, см. http://www.mnz.gov.si/si/mnz_zv_tujci_v_sloveniji/statistika/ (доступ 28. 9.2015).

³ За данные выражаем благодарность советнику Российского посольства в Любляне, директору РЦНК г-ну Рифату Патееву (июнь 2015 г.).

прежде всего столица Словении Любляна⁴, словенское побережье и крупные словенские города (г. Марибор, г. Целье, г. Крань, г. Ново Место).

Уже сейчас в крупных словенских городах можно найти русские магазины, которые предлагают российские продукты и блюда⁵. В целом в отношении русскоговорящей диаспоры можно утверждать, что, несмотря на заметный после 2000 г.⁶ рост активности различных новейших объединений русскоговорящих жителей Словении, члены диаспоры далеко не всегда тесно связаны между собой, часто наблюдаются случаи их изолированного проживания⁷.

На положении русскоговорящих мигрантов в Словении положительно сказалось изменение отношения Российской Федерации к русскоязычным жителям зарубежных стран. Если в советское время переселенцы в западные страны считались чуть ли не предателями, то в новой России они оцениваются скорее как потенциальные «союзники» и сторонники российской государственной политики за рубежом. В числе последних достижений, укрепивших положение российской диаспоры, стало открытие Российского центра науки и культуры

⁴ В течение последней пятилетки новая волна русскоговорящих переселенцев в Любляну способствовала постепенному формированию русскоязычной инфраструктуры (РЦНК, две русские школы дополнительного образования, несколько русских магазинов, русская автомастерская, русский врач, русский ресторан, различные объединения — кружок фотографии, музыкальный кружок, кружок рисования, иконописи и т. д.). Данные предоставляем на основании собственных наблюдений и информации из соцсетей (FB-группа Русскоговорящая Словения).

⁵ По нашим данным такие магазины имеются в Любляне, в Мариборе, в Целье, в Кране, на словенском побережье (г. Луция).

⁶ Начиная с 2000 г. по настоящее время появилось 7 таких объединений: Клуб соотечественников «РУСЛО» (г. Любляна и региональные филиалы), «Веселые ребята» (г. Любляна и региональные филиалы), «Русский мир» (г. Изола), «Русский самовар» (г. Любляна), Международное культурное общество «Согласие» (г. Нова Горица), «Приморье» (г. Изола), «Русский дом» (г. Марибор). 21 сентября 2015 г. в РЦНК в Любляне прошла первая встреча указанных объединений, которые до последнего времени существовали изолированно в разных словенских городах.

⁷ То же исследователи утверждают о русскоязычной диаспоре Италии (см. [Perotto 2009; Перотто, Нижник 2014]).

(апрель 2011 г.)⁸. Кроме того, в Мариборе, втором по величине городе Словении, с 2007 года работает представительство российского фонда «Русский мир»⁹, которое также реализует программы поддержки изучения русского языка и культуры в зарубежных странах.

В течение последнего года-двух, именно в связи с упоминавшимся выше рассеянным характером проживания русскоговорящих в Словении, с одной стороны, а также с новой волной переселенцев после 2014 г. (за счет бизнес-миграции из Российской Федерации и особенно с Украины), с другой стороны, наблюдается всплеск активности русскоговорящих жителей Словении, в особенности в социальных сетях¹⁰. Фэйсбук-группы стали излюбленным средством информирования, установки новых личных и деловых связей, обмена информацией практического характера в виртуальной среде, средством продвижения собственного малого бизнеса, часто нацеленного все на тех же соотечественников. В то же самое время реальные возможности детей из русскоговорящих семей посещать детский садик, где можно общаться в том числе и на русском языке, или посещать школу допобразования на родном языке остаются ограниченными.

⁸ РЦ предоставил большое обновленное помещение на престижном месте в самом центре Любляны (площадь Цирил-Методов трг, дом 1) для реализации самых разнообразных образовательных, культурных, промоционных мероприятий на русском языке, открытых для широкой общественности. Открыта новая библиотека со значительным книгофондом, облегчен доступ к регулярным академическим обменам соотечественников и словенцев с Российской Федерацией. Благодаря финансовой поддержке российского фонда «Русский мир» культурные мероприятия на русском языке, организуемые представителями русскоязычной диаспоры, стали регулярными и более привлекательными для широкой общественности по всей Словении (многолетние празднования русской масленицы в Любляне, детское театрализованное представление «Заплясала мошкара» (по сказке Корнея Чуковского «Мухоморок»), которая в организации Русской школы «Веселые ребята» с большим успехом в 2013 г. прошла по словенским начальным школам, многолетнее регулярное празднование Нового года в Фестивальном зале Пионерского дома в Любляне).

⁹ Фонд «Русский мир» был основан Указом Президента РФ Владимира Путина 21.7.2007, подробнее на <http://russkiymir.ru/en/>. Словенское представительство в г. Марибор работает с 2007 г.: <http://www.ruskimir.si/>.

¹⁰ Фэйсбук-группа «Доска объявлений в Словении», «Мамы и папы Словении/русскоговорящие», «Живём в Словении» (доступ 6.09.2015).

В качестве важного фактора, поддерживающего положение русскоязычной диаспоры, следует указать преобладающее нейтрально-позитивное отношение словенцев к носителям русского языка и культуры, в отличие от многих других европейских стран. Как показал опрос, в последнее время известно сравнительно небольшое количество случаев, когда русскоговорящие реально испытывали на себе негативное отношение окружающих, становясь жертвами негативных стереотипов¹¹. Мы полагаем, что причиной этого является относительно быстрая и успешная языковая ассимиляция русскоговорящих переселенцев в Словении, особенно представителей младшего поколения. Практически все наши информанты младшего возраста (до 20 лет), прожившие в Словении хотя бы несколько лет, единогласно подтверждают, что к ним уже более никто не относится как к иностранцам, в целом они успешно ассимилируются¹².

В данном контексте также важно учесть изменения в словенской системе образования, где в последнее время проводится политика открытых дверей в отношении возможности учеников начальной и средней школы посещать дополнительные занятия по родному для них языку [Medvešek-Bešter 2014]. По данным Российского центра науки и культуры¹³ в 2014/15 учебном году в Словении насчитывалось 13 начальных школ, 3 средних школы и 18 гимназий, в которых организовано обучение русскому языку. Географически эта сеть покрывает фактически всю территорию Словении, при этом возможности обучения в крупных городах и населенных пунктах страны значительно шире.

В словенских гимназиях и вузах обучение русскому языку имеет длительную традицию [Дерганц-Урбас 2009]. Русскому языку обучают в Люблянском университете [Комарова 1997], в Мариборском университете, с осени 2006 года — в Приморском университете. Курсы русского языка предлагают также частные факультеты, так на-

¹¹ По данным нашей информантки ЯЦ, ее одноклассники из гимназии вспомнили, что она из России, только в связи с неожиданно легкой победой Словении на памятном футбольном матче Словения–Россия (2009 г.).

¹² Данные приводятся на основании интервью, записи которых хранятся у автора.

¹³ За предоставленные сведения выражаем благодарность Валерии Кильяковой, специалисту по русскому языку на РЦНК (электронное сообщение 7.09.2015).

зываемые народные университеты (вечерние школы), университеты третьего жизненного периода (для пенсионеров и лиц пожилого возраста), разные языковые школы и т. д. При этом в большинстве случаев речь идет об обучении русскому языку как иностранному на начальном этапе, что для детей из смешанных русско-словенских семей нельзя считать подходящим решением. Как показывает опыт, для их обучения нужны специальные языковые программы обучения [Месарич, Макарова Томинац 2016]¹⁴.

2. Положение русского языка в русскоязычной диаспоре

Несмотря на то что отношение словенцев к русскому языку и к русскоговорящим переселенцам мы в целом оцениваем как нейтрально-положительное, судьба самого русского языка в смешанных семьях фактически полностью зависит от языковой политики в рамках самой семьи, в частности, от того, сколько времени, энергии, зачастую финансовых средств родители готовы вложить в дело сохранения русского языка у своих детей. Для смешанных семей, когда только один родитель (как правило, только мать) говорит по-русски, эта задача усложняется, поскольку в качестве общего языка семейного общения в этом случае используется язык окружения, т. е. словенский язык¹⁵. При этом абсолютное большинство русскоговорящих родителей желает сохранить русский язык у своего ребенка в максимально возможной степени (73 % всех ответов в рамках интернет-опроса, общее количество участников — 68).

Решение семьи сохранить русский язык в качестве языка общения на начальном этапе является главным фактором, который мы оцениваем положительно.

¹⁴ По нашим данным, специально разработанную программу предлагает Русская школа «Веселые ребята» в Любляне (www.ruskasola.si).

¹⁵ На устном интервью был описан подобный случай: ребенок перестал говорить по-русски после смерти любимой бабушки, поскольку язык вызывал устойчивые ассоциации с этим травматичным для ребенка событием. Русскоговорящая мама возражать не стала, в последующем, однако, положение уже нельзя было исправить, так как в семье возобладал словенский язык. В настоящий момент мать и дочь по-русски общаются только периодически/спорадически.

Обозначьте, в какой мере вы согласны со следующим утверждением.

Q16m	Хочу, чтобы мой ребенок сохранил русский язык и культуру в максимально возможной степени, независимо от страны проживания	Ответы	В процентах от общего числа
	Полностью поддерживаю	33	73 %
	В целом поддерживаю	3	7 %
	Частично поддерживаю	7	16 %
	Не поддерживаю	2	4 %
	Итого	45	100 %

Источник: TEST 1

В специальной литературе представителей младшего — так называемого *полуторного*¹⁶ или *второго* — поколения переселенцев часто называют *heritage speakers*, носителями *семейного языка* или *языка домашнего общения* [Kagan, Dillon 2001; Polinsky, Kagan 2007: 369; Полинская 2010: 314; Перотто, Нижник 2014: 77]. Говорящие на семейном языке выучили русский язык в детстве в рамках устного общения с членами семьи, используют этот язык (только) дома, поэтому функциональный потенциал этого языка развит в меньшей степени, чем функциональный потенциал языка окружения. Таким образом, речь идет о неодинаковом функциональном потенциале двух языков в языковом сознании билингва, т. е. о *несбалансированном билингвизме*. При этом благодаря семейной обстановке усвоения домашнего языка дети сохраняют эмоциональную связь с этим языком. В случае *монолингвальной* семьи по-русски с ребенком говорят оба родителя, в случае *билингвальной*, смешанной русско-словенской семьи по-русски с ребенком общается только один родитель. Родители предпочитают говорить по-русски и за пределами семьи — с друзьями, на работе, если только есть такая возможность, так как для них именно русский язык остается родным языком, а также преимущественным языком общения. Словенский язык русскоговорящие родители учат в зрелом

¹⁶ *Полуторное* поколение в нашем случае — это дети, родившиеся на родине, но в раннем возрасте переселившиеся в Словению вместе с родителями. *Второе* поколение — это дети, родившиеся и выросшие уже в Словении.

возрасте, и хотя это родственный славянский язык, процесс его усвоения родителями растягивается на значительно более длительный период, чем для их детей, неодинаков и уровень владения им — родители, как правило, говорят по-словенски хуже, чем их дети, у них часто сохраняется узнаваемый русский акцент.

У русскоязычных детей *полуторного* и *второго* поколения процесс обычно протекает в обратном направлении. Относительно быстро (от 3 до максимум 12 месяцев активного погружения в новую языковую среду, посещения словенского садика или словенской школы) они усваивают родственный словенский язык, который потом приносят и в семью. На словенском они отвечают своим родителям, которые к ним обращаются по-русски, по-словенски хотят общаться и со своим учителем русского языка, проживающим в Словении¹⁷. Такие случаи чаще наблюдаются в смешанных русско-словенских семьях (в период с 12 до 16 лет). Функциональная ограниченность русского языка повседневным общением в рамках семьи, в узком кругу, негативно влияет на объем активного словарного запаса (пассивный словарный запас детей-билингвов, как правило, значительно превышает активный) влечет за собой низкую мотивацию говорить по-русски вне семьи. Даже в разговоре со своими двуязычными друзьями, говорящими по-русски (!), билингвы все равно предпочитают говорить по-словенски¹⁸.

Дети из русских семей, освоившие русский исключительно в рамках семейного общения, как правило, хорошо владеют разговорным русским языком, испытывают сложности при чтении на русском языке (нехватка словарного запаса), максимально проблематично для них — правильно писать по-русски. Двуязычные дети также с большим трудом осознают различия между вариантными средствами выражения функционально-ограниченного (т. е. русского) языка, так как

¹⁷ Здесь ссылаюсь на сведения учительницы школы дополнительного образования «Веселые ребята» в г. Любляна Ольги Цыгановой. Двуязычные дети в возрасте 8–10 лет продолжали говорить с учителем русского языка по-словенски, пока им не были вынуждены сказать, что учитель по-словенски просто не понимает. Когда же обман был раскрыт, нужно было снова объяснить, что во время урока учитель просто «забывает словенский язык».

¹⁸ Мы наблюдали, как во время перемены в русской школе дополнительного обучения «Веселые ребята» в г. Любляна русскоговорящие билингвы между собой общались именно на словенском языке (май 2015 г.).

их социолингвистическая компетенция на русском языке весьма ограничена.

На основании наших наблюдений можно сказать, что использование русского языка в Словении, тем не менее, лишь частично соответствует положению *языка семейного общения*, так как практически всегда русские родители, если есть возможность, стараются обеспечить своим детям дополнительное обучение на русском языке (кружок русского языка в словенской школе, русская школа дополнительного обучения, индивидуальные уроки с репетитором или же семейное домашнее чтение) и таким образом изменить статус русского языка с *языка семейного общения* на *целевой язык обучения и общения*.

В случае длительного проживания в Словении русскоязычные дети, с учетом все более пассивной роли русского языка и все более активного использования словенского языка как языка окружения, неизбежно испытывают потери и в уровне/качестве языковой компетенции. Русский языковой стандарт как система испытывает значительные качественные изменения. Главным фактором влияния выступает негативный языковой перенос, т. е. интерференция, из функционально доминирующего словенского языка на функционально ограниченный русский. Качественные изменения русского языкового стандарта в этом случае кажутся необратимыми и неизбежными, при этом степень выраженности этого явления у представителей различных поколений, у родителей и у их детей, различна.

3. Цель и методы исследования

С целью описать частотные отклонения от русского языкового стандарта, наблюдаемые у двуязычных детей, было проанализировано 35 сочинений, написанных в рамках единого словенского государственного экзамена (словенского ЕГЭ) по русскому языку в течение 2013—2015 гг.¹⁹ Наиболее частые установленные отступления были включены в состав специального контрольного теста²⁰, предложенного двуязычным носителям. Результаты контрольного тестирования показали, какие отступления билингвами воспринимались как

¹⁹ Мы использовали сочинения по русскому языку, написанные в рамках словенского национального экзамена по русскому языку 2013, 2014 и 2015 г., весна—осень (СОЧИНЕНИЯ).

²⁰ Интернет-анкета Тест по русскому языку, <https://www.lka.si/a/68599> (28 респондентов).

ошибки, а какие нет. Таким образом мы пытались нащупать самые ранимые зоны языковой системы русского языка, которые в первую очередь подвергаются негативному переносу (интерференции) или иным изменениям.

Интернет-анкета под названием «Тест по русскому языку», на которую мы будем ссылаться в дальнейшем, состоит из двух частей: социолингвистическая часть, состоящая из 19 вопросов, и языковая часть, состоящая из 60 заданий, посредством которых мы хотели «измерить» языковую компетенцию информантов на русском языке. Для более углубленного анализа факторов, влияющих на сохранность/изменения русского языкового стандарта, в последующем были проведены личные интервью²¹. В связи с ограниченным объемом в данной статье будет представлена лишь часть полученных данных.

4. Языковые отклонения

Анализ частотных ошибок, которые делают русско-словенские билингвы, в особенности в письменной речи, показал наличие устойчивых языковых отклонений от языкового стандарта на самых разных языковых уровнях, разного характера.

4.1. Орфографические отклонения

Исследования письменных работ русскоговорящих детей-билингвов, проводимые в разных странах, неоднократно показали, что у них преобладает *фонетический принцип* записи русских слов (т. е. запись слов «на слух»), с рядом нетипичных отклонений, специализированных для конкретной языковой пары²². В нашем случае также были установлены орфографические ошибки разного характера, в своем большинстве подтвержденные билингвами и в контрольном тесте.

4.1.1. Непоследовательная реализация принципа записи слов «на слух» (фонетическое письмо), в особенности разных случаев вокальной редукции в безударном слоге (предударная и заударная позиция):

— **аканье:** **сабака* (собака), **учёбцй* (учёбой), с **каторым* (с которым), **младёж* (молодежь);

²¹ Аудиозаписи хранятся у автора, в дальнейшем АУДИОЗАПИСИ.

²² См. [Polinsky, Kagan 2007; Перотто, Нижник 2014].

- редукция: **лошедей* (лошадей), **большенство* (большинство), **жители* (жителей), **разлечается* (различается), **тиряет* (теряет), **избавелся* (избавился), **танцвали* (танцевали), **понравелся* (понравился), **нравелся* (нравится), **времяни* (времени), **померилась* (помирилась), **месяцв* (месяцев), **велят* (висят), **пщеры* (пещеры), **выглядет* (выглядит), **систматическая* (систематическая), **наченается* (начинается).

Именно фонетическое письмо стало причиной ошибочной записи личного окончания прилагательного в родительном падеже единственного числа: **всего* [vsiv'o] (*всего*), **таво* [tav'o] (*того*).

Фонетическое письмо проявляется и в следующих случаях: **што* [što] (*что*), **патамушта* [patam'u šta] (*потому что*), **шасте/шастѣ* [š'astije] (*счастье*).

4.1.2. Достаточно часто проявляет себя характерное неразличение между йотированными и нейотированными буквами *е* [je] и *э* [e]: **поэтому* (*потому*), **этот* (*этот*), **эсть* (*есть*).

Трудно дается русско-словенским билингвам различение на письме *о* [o] и *ё* [jo] в положении после предшествующего шипящего (6 % информантов записали слово *ещё* как **ецо* [jiš'o]).

4.1.3. Регулярно наблюдается неразличение букв *и* [i] и *й* [j], по всей видимости из-за их внешней схожести:²³ **в Словений* (*в Словении*), **в Росий* (*в России*).

4.1.4. Регулярно наблюдается неразличение русских шипящих фонем *ш* [š] и *щ* [š']: *в будуще/в будуще* т. е. *в будущем/в будущем*, на что дополнительно накладывается интерференция похожего словенского слова с другой шипящей фонемой (*bodoče*).

4.1.5. Спорадически, но довольно регулярно наблюдается путаница латинских и русских букв:

- *у* и *и*: **дригих* (*других*), **вытцским* (*выпускным*), **нцжно* (*нужно*).

— *б* и *в*: **бл* (*был*) *танец*.

²³ То же устойчивое отклонение было обнаружено в речи двуязычных детей Италии (см. [Перотто, Нижник 2014]).

4.1.6. Отдельного комментария заслуживает замена предлогов *у* и *в*: **г нас* (*у нас*) *много городов*, **у Словении* (*в Словении*). Как нам кажется, причина этой ошибки кроется в словенской произносительной норме — обязательной вокализации словенского предлога *v* [u] в положении перед следующим согласным, которое билингвы переносят на русский язык, хотя там предлог *у* автономен и имеет совершенно иное значение. По нашему мнению, в данном случае можно говорить о примерах *дистрибутивного* или *функционального* калькирования.

4.1.7. Большое количество примеров связано со специфическим для русского языка различием между твердыми и мягкими согласными, что в письменном виде отражается в использовании специальных букв, указывающих на палатальный характер предстоящих согласных: мягкий знак, йотированные гласные (*е, ё, ю, я*) и пара *и — ы*. Здесь наблюдается значительная путаница, которую, с одной стороны, можно объяснить трудностями различения специфического противопоставления твердых и мягких согласных, отсутствующего в словенском языке. Примеры многочисленны, представлены по группам:

- [1] Неразличение твердого и мягкого согласного — опущение мягкого знака как в середине, так и в конце слова: **филм* (*фильм*), **результат* (*результат*), **култура* (*культура*), **людми* (*людьми*), **школьного* (*школьного*), **далее* (*далее*), **несколдо* (*несколько*), **любов* (*любовь*), **жал* (*жал*), **церков* (*церковь*), **очен* (*очень*).

Мягкий знак часто опущен в конце слова в глагольных формах: **кушат* (*кушать*), **достич* (*достичь*), **осмотрет* (*осмотреть*), **играеш* (*играешь*), особенно у возвратных глаголов прошедшего времени: **появились* (*появились*).

- [2] Неразличение букв *и* и *ы*, которые в русской орфографии помогают отличить мягкое (*и*) или твердое (*ы*) произношение предшествующего согласного: **привцкла* (*привыкла*), **забил* (*забыл*). Часто встречается эта ошибка в окончаниях множественного числа прилагательных: **выпускниче* (*выпускные*), **старих* (*старых*), **вкусниче* (*вкусные*).

Нужно сказать, что даже у продвинутого билингва с хорошим знанием русского языка, различающего произношение твердых и мягких

согласных, затруднения вызывает сложная русская орфография, часто допускающая несовпадение правописания и реального произношения: **патамушта* [patam' u šta], **всево* [vsiv' o] (*всего*), **таво* [tav' o] (*того*)²⁴.

Отдельную сложность представляет правописание букв *и* и *ы* в положении после шипящего, где действуют специальные правила²⁵: *жизнь* [žyžn'].

- [3] В текстах, написанных билингвами, часто встречается ошибочное обозначение палатального согласного: **позволяет* (*позволяет*), **вместье* (*вместе*), **рождѣние* (*рождение*), **малѣнькая* (*маленькая*).

Отдельно указываем случаи предсказуемого орфографического калькирования в словенских топонимах: **Бохинй* (*Бохинь*) 'Bohinj', **Целйе* (*Целье*) 'Celje'.

- [4] Часто наблюдается непоследовательная запись (опущение) мягкого знака, необходимого для обозначения йотированного характера произношения следующей буквы: **с помощью* (*с помощью*), **семя* (*семья*), **итальянский* (*итальянский*).
- [5] При записи русских возвратных глаголов регулярно наблюдается путаница инфинитива и личной формы глагола (третье лицо, единственное число): (*учит~~ся~~*/учит~~ься~~ [uč' ica], *наравит~~ся~~*/наравит~~ься~~ [nr' avica]). Считаем, что дополнительным фактором, усложняющим правильное различение этих форм, является фонетическое совпадение обеих форм (омофония).

Непоследовательно используется мягкий знак при записи инфинитива и формы третьего лица единственного числа русского возвратного глагола, именно это отклонение является одним из самых частотных (18 % респондентов контрольного теста не обнаружили ошибки в следующих примерах): **опускает~~ся~~* (*опускается*), *можно*

²⁴ Аналогичные трудности при освоении русской орфографии испытывают и обычные российские школьники.

²⁵ Данный пример сложен и для обычных российских школьников, отсюда школьное правило: «жи-ши пиши с буквой и!»

**проехат~~ся~~* (*проехать*), *можно* **катат~~ся~~* (*кататься*), мне **кажет~~ся~~* (*кажется*).

4.1.8. Регулярно наблюдается ошибочная или непоследовательная запись неопределенных, отрицательных, вопросительных местоимений, служебных слов (предлогов, союзов и союзных слов), а также индикаторов дискурса. Информанты вообще испытывают значительные сложности при записи слов вместе, отдельно или с дефисом: **по моему* (*по-моему*), **от куда* (*откуда*), **не смотря* (*несмотря*), **ни кто* (*никто*), **изза*/**из за* (*из-за*).

При написании вместе-раздельно в сочетании *все равно* трудности испытывало 25 % респондентов, при записи неопределенного местоимения *кое-что* 33 %, при записи целевого союза *чтобы* 18 %, при записи дискурсного индикатора *по-моему* 25 % респондентов, при этом половина из них в качестве правильного варианта указала форму **по моему* (два отдельных слова).

4.1.9. Высокой регулярностью отличается также отсутствие позиционного варьирования — вокализации — русских предлогов: **в многих* (*во многих*), **с многими* (*со многими*), **о всѣм* (*обо всѣм*).

4.1.10. Отдельно следует указать также случайный характер записи знаков препинания — запятых, тире, дефисов, кавычек, особенно в тех случаях, когда словенские правила пунктуации отличаются от русских (напр., расстановка запятых). В большинстве случаев информанты просто опускают знаки препинания (главным образом запятые) там, где они требуются. Думаем, что причина кроется в том, что русским правилам постановки знаков препинания в школе традиционно уделяется недостаточно внимания²⁶.

Итогом наших наблюдений на уровне правописания становится вывод, что главной причиной ошибок является несовпадение письменной и устной формы слова (реального произношения), характерное для русской орфографии, а также различие мягких и твердых

²⁶ В экзаменационном каталоге по русскому языку [Komarova i dr. 2014], в Учебном плане по русскому языку для гимназии [Vozelj, Urbas 2008] правильное употребление знаков препинания не указано как отдельная учебная задача. Значительное влияние словенского правописания подтвердилось и в анализе экзаменационных сочинений.

согласных, отсутствующее в словенской языковой системе. При расстановке знаков препинания установлено преимущественное влияние словенской орфографии.

4.2. Отклонения на уровне просодии (при устном общении)

Значительные сложности для наших информантов, помимо русской орфографии, вызывает место ударения. Русское ударение вообще сложно для словенцев, что можно объяснить родственным характером языков, когда акцент похожих слов зачастую просто калькируется из одного языка в другой. Именно здесь можно проследить границу между информантами по степени «освоенности», автоматизма при выборе правильной акцентной формы: билингвы из монолингвальных семей практически свободно владеют акцентной парадигмой, билингвы из смешанных семей испытывают умеренные сложности (зависит от реального объема общения на русском языке), словенские ученики, изучающие русский язык в школе, при освоении ударений испытывают значительные и весьма значительные трудности.

В предложенном нашим информантам списке из 12 слов больше всего сомнений вызвали именные и глагольные формы с непостоянным (переменным) местом ударения: сУх [s'uh] // сухОй [suh'oj]; винО [vin'o] в единственном числе, вИна [v'ina] во множественном; варьирование места ударения в разных формах прошедшего времени у глагола продАть, в зависимости от грамматического рода: он прОдал [pr'odal], она продалА [pradal'a]. Непостоянное место ударения оказалось сложным для информантов и в формах возвратных глаголов: начАться, родитЬся.

4.3. Отступления на морфологическом уровне

На морфологическом уровне обнаружены многочисленные отступления от русской языковой нормы самого различного характера, при этом рост ошибок предсказуемо наблюдается в тех сегментах языковой системы, где возникают системные расхождения между контактными языками, особенно в зонах неполного или частичного совпадения.

4.3.1. Обзор начинаем с именной системы — склонение существительных и прилагательных.

В числе основных отступлений следует указать перенос грамматических свойств похожих слов из одного языка в другой, особенно в косвенных падежах — т. е. морфологическое калькирование. Сюда относятся случаи, когда русские слова по своему внешнему виду могут быть отнесены в именную парадигму словенского языка, вследствие чего русские слова перенимают несвойственные им морфологические свойства (напр., родительный падеж множественного числа у существительных женского рода на согласный): много *достопримечательности (достопримечательностей) под влиянием словенского переводного эквивалента *veliko znamenitosti*, много архитектурных *вещи (вещей) под влиянием склонения словенского переводного эквивалента *veliko stvari*. В отдельных случаях морфологические особенности русских слов очень похожи на словенские, что фактически предопределяет изменение русского слова по словенской словоизменительной модели: много *трудности (трудностей) в речи информанта склоняется по образцу 2-го женского склонения (*mladost, slabost*), несмотря на то, что словенский семантический эквивалент русского слова — *problem, težava* — к этому типу не относится. В этом случае можно говорить о морфологическом калькировании в чистом виде.

В качестве достаточно агрессивного элемента, активно проникающего в русскую речь билингвов, выступает излишнее использование предлога *z/s* с существительными творительного падежа. В отличие от словенского языка, где этот предлог в творительном падеже обязателен, в русском языке он используется только в определенных, весьма ограниченных случаях, например, для обозначения сопровождающего лица или субъектов совместного действия (*Папа с дочкой, родители с детьми, мы с мамой решили*). Статистика подтверждает высокий процент ошибок в инструментальном значении. 36 % респондентов считают правильным предложение: *Пишем *с ручкой (ручкой)*. Агрессивный творительный с обязательным предлогом в речи билингвов последовательно вымещает и русский предложный падеж (обозначающий средство перемещения): *Пойдём *с лифтом (поедем на лифте)*. Последнее предложение считают правильным 18 % респондентов, в то время как 9 % не могут принять решения. В общей сложности эти примеры являются сложными для трети респондентов.

Сложная система русской морфологии в речи билингвов обычно подвергается упрощению. Так, например, сложная и разнообразная система именных окончаний во множественном числе родительного

падежа, варьирующаяся в зависимости от рода, мягкого или твердого типа основы, в речи информантов трансформируется по словенскому образцу *-ov/-ev*: много *чувствов (чувств-*o*), *пляжов (пляж-*ej*), *писателев (писател-*ej*), *римлянинов (римлян-*o*).

Отдельную сложность для русско-словенских билингвов представляет категория **одушевленности**, выражаемая в русском языке более последовательно, чем в словенском языке.

Рассмотрим следующий пример:

	Правильно
Какие русские знаменитости вы знаете?	82 % ответов
Каких русских знаменитостей вы знаете?	18 % ответов

Источник: Тест 2.

Высокий процент ошибок (82 %) в данном случае можно объяснить дополнительным наложением семантики, потому что информанты русское слово *знаменитость* посчитали полным эквивалентом словенского слова *znamenitost*, притом что русское слово обозначает 'известное лицо', в то время как словенское слово означает 'достопримечательность (памятник культуры/природы)'. Вследствие этого в русском языке активируется грамматическая категория одушевленности/неодушевленности, которая требует обязательного использования винительного падежа, совпадающего по форме с родительным падежом (такое различие знакомо словенскому языку только в единственном числе мужского рода: *vidim telefon/prijateljja*).

На сложности с грамматической категорией одушевленности указывает и иной пример, когда 45 % информантов, несмотря на ошибочную форму местоимения, посчитало правильным следующее предложение: *Писатель хотел *все (всех), которые будут читать этот роман, предупредить об опасности*. Очевидно речь идет о частичном совпадении контактных языковых систем, представляющем для наших респондентов наибольшую сложность.

Специфическое влияние словенского языка на русский язык наблюдается в агрессивном проникновении родительного падежа при указании прямого объекта в отрицательном предложении, последовательного и жесткого правила в словенском языке, в то время как в русском родительный отрицания возможен только как вариантное решение в отдельных случаях. Предложение **Хороших оценок (хоро-*

шие оценки) *нетрудно получить* является правильным для 36 % респондентов.

Похожие примеры: *Не забыл *своей учительницы (свою учительницу)* и **Единого государства (единое государство) построить невозможно*.

4.3.2. В глагольной системе регулярно наблюдаются отклонения при использовании совершенного и несовершенного вида. Правила использования видов в словенском и русском языке существенно различаются [Derganc 2008]. Особенно часто билингвы в значении многократного или даже длительного действия, в русском языке стандартно выражаемого несовершенным видом, ошибочно используют совершенный вид.

Пример 1: *Он никогда не *забыл (не забывал) своей учительницы* воспринимается как правильный для 64 % респондентов. Причина ошибки явно кроется во влиянии словенского языка, на котором фраза *Nikoli ni pozabil svoje učiteljice* абсолютно правильна.

Пример 2: *Я не могу себе *этого (это) *представлять (представить)*. 31 % респондентов оценило это предложение как правильное. Очевидно влияние словенского эквивалента с несовершенным видом: *Tega si ne morem predstavljati*. Калькируется и форма указательного местоимения, которое в русском предложении более естественно звучит в винительном падеже, а не в родительном, обязательном к употреблению в отрицательном словенском предложении.

Пример 3: 18 % респондентов испытывают сложности при различении совершенного и несовершенного вида при образовании будущего времени. Поскольку в словенском языке оба вида одинаково участвуют в формировании составного будущего времени, с помощью вспомогательного глагола: *bom gledal — bom pogledal*, словенская модель копируется и в русских предложениях: *Я буду *посмотреть (смотреть)*. Данная ошибка является типичной ошибкой, отличающей речь тех, кто изучает русский язык в классе, для речи билингвов, владеющих русским языком как языком семейного общения, эта ошибка гораздо менее характерна.

Рассмотренные нами экзаменационные работы также содержат примеры отступлений при использовании русских глаголов, частотность которых мы отдельно не проверяли. Пример: *она *исчезнула (исчезла)*. Речь идет о замене правильной, но специфической, нестандартной формы прошедшего времени группы глаголов

на -ну (*исчезнуть, прыгнуть*) более стандартной и частотной формой, образованной по стандартному правилу образования форм прошедшего времени из инфинитивной основы: *читать* — *читал*.

Похожий пример выравнивания по аналогии с целью упрощения языковой системы, опущения особенных, нестандартных форм можно найти в примере Он **исследоват* (*исследует*). Инфинитивная основа (*исследова-*) была перенесена из инфинитива (*исследовать*) в парадигму форм настоящего времени (**исследоват*), что мы также рассматриваем как пример симплификации/упрощения и аналогического выравнивания языковой системы при неполном или недостаточном владении функционально ограниченным языком (ФОЯ).

4.3.3. Отдельно следует указать отклонения, возникающие при использовании русских предлогов. Пример: *Нужно *за нашу организацию* (для нашей организации) иллюстрирует частотную замену русской целевой конструкции *для* + родительный падеж словенской целевой конструкцией *за* + винительный падеж. Проблема заключается в том, что предлог *за* существует и в русском языке, но имеет иное значение и функционал, лишь частично совпадающий со значением и функционированием словенского предлога *za* (*выпить за тебя* 'spiti zate = в твою честь'; *заплатить за тебя* 'вместо тебя'). Частичное совпадение значений снова создает почву для недостаточной дифференциации двух омонимичных предлогов — словенского *za* и русского *за*. Неполное совпадение контактных языковых систем в этом примере также предсказуемо вызывает относительно высокий процент ошибок (27 % респондентов).

4.4. Отклонения на семантическом/лексикальном уровне

4.4.1. На семантическом уровне были также обнаружены отступления различного характера.

В числе наиболее частотных особенностей оказалось sporadическое включение словенских слов в русское предложение: *экзамены скоро на *концу* (калька из словенского языка: *skoraj na koncu* = *заканчиваются*). Sporadические включения слов из языка окружения в функционально ограниченный язык — довольно известное явление, часто наблюдаемое в ситуации билингвизма [Šabec 2002; Rožgaj-Nadžić, Kranjc 2002 и др.].

Отдельную сложность представляет явление паронимии: *Видела квартиру Mona Lisa*, очевидно, здесь сложным оказалось высокая степень похожести русских слов *картина* и *квартира*.

4.4.2. Ошибки на лексическом уровне чаще всего возникают вследствие интерференции и межязыковой омонимии.

Пример 1: Можно *заклЮчить*, что роман хороший. В данном случае значение словенского глагола *zaključiti* 'сказать в заключение' было перенесено на похожий русский глагол *заклЮчить*. Русский язык для выражения той же идеи требует иное распределение обоих компонентов значения, а именно комбинацию глагола и предлога (*сказать в заключение*).

Пример 2: Летом мы **шли* (*ездили*) в Москву два раза. В данном предложении присутствуют две ошибки, одна на уровне значения, вторая на уровне формы. Обе ошибки в речи билингвов достаточно частотны и регулярны. На семантическом уровне достаточно широкое значение словенского глагола *iti, gret*, которое можно обозначить как 'передвижение в пространстве' был перенесено на русский глагол *идти*. В лексической системе русского языка широкое значение словенского глагола *iti, gret* покрывается двумя разными русскими глаголами — *идти*, с помощью которого выражается идея передвижения без помощи транспортного средства, и *ехать*, обозначающий передвижение с помощью транспортного средства. Таким образом, именно второй русский глагол более соответствует рассказу о путешествии в Москву. Вторая ошибка связана с языковой системой русского языка: семантика русских глаголов движения последовательно различает однократное, многократное, однонаправленное и многонаправленное движение: *идти* — *ходить*, *ехать* — *ездить*. Если речь идет о повторяющемся действии, в русском языке выбирается глагол многократного движения *ездить*. Речь идет о различном понимании и устройстве семантического поля передвижения в двух разных языках. Как мы можем видеть, более точный и последовательный русский язык в речи билингвов подчиняется агрессивному калькированию более простой системы функционально доминирующего языка.

Достаточно часто наблюдается расширение значения русских слов за счет словенских паронимов: **Дай (положи) книгу в сумку/на стол!* В этом случае семантическое поле размещения объек-

тов в пространстве, которое в разговорном словенском языке часто обслуживается комбинацией глагола *dati* достаточно широкого значения и любого подходящего наречия места *kam* (= *положить, поставить*), в русском языке покрывается двумя глаголами, значение которых существенно более точно: *положить* 'поместить объект в горизонтальном положении', *поставить* 'поместить объект в вертикальном положении'. Это требует от билингва большего количества смысловых операций, большей точности и детализированности, поэтому по принципу экономии речевых (и умственных) усилий русский язык снова подвергается агрессивному калькированию более простого способа выражения мысли из функционально доминирующего языка.

Часто наблюдается ошибочная семантизация русского предлога *кроме*, который большинство билингвов, согласно нашему материалу, воспринимает как полный эквивалент словенского предлога *poleg* (*наряду*). Например: **Кроме учебы (наряду с учебой) у вас будет много времени на спорт*. При этом значение русского предлога *кроме* уже словенского, более соответствует словенскому предлогу *razen*, что в общем существенно меняет смысл предложения (вместо добавления объектов они исключаются). Более адекватным эквивалентом в данном контексте мог бы стать предлог *помимо*, так же как и предлог *наряду с*, которые, по-видимому, используются редко из-за стилевой ограниченности. Мы считаем, что и в этом случае вступает в силу принцип экономии речевых усилий, когда говорящий с помощью одного языкового средства стремится выразить все возможные смежные значения.

В контрольном тесте мы отдельно пытались проверить, насколько на отступления от русского стандарта влияют паронимы. С этой целью мы попросили респондентов перевести подчеркнутые слова (паронимы) в предложениях. Предложения были составлены таким образом, чтобы контекст не исключил возможность ошибочной семантизации.

Пример 1: *Это был качественный лес*. Словенское значение 'дерево/*les*' вместо правильного 'лес/*gozd*' русскому парониму *лес* присвоило 4 % респондентов.

Пример 2: *Спасибо за приятную беседу*. Словенское значение 'слово/*beseda*' вместо правильного значения 'разговор/*rogovor*' русскому парониму *беседа* присвоило 8 % информантов.

Пример 3: *Как долго тянется этот час!* Словенское значение 'время/*čas*' вместо правильного значения русского слова 'час/*ura*' русскому парониму *час* присвоило 8 % респондентов.

Пример 4: *Наконец, все тихо. Все помирились*. Значение 'успокоиться/*pomiriti/umiriti* (se)' вместо правильного значения 'помириться/*robotatise*' русскому парониму *помирились* присвоило 57 % информантов.

На основании полученных данных можно сделать вывод, что процент ошибочной семантизации в случае межязыковой омонимии напрямую зависит от уровня языковой компетенции говорящего, от того, насколько ему знакомо то или иное слово. Если точное значение русского паронима неизвестно, а контекст не исключает возможной ошибочной семантизации, вероятность ошибки очень высока.

Отдельный интерес для нас также представляло тестирование распознавания различных значений русских многозначных слов на примере слова *номер* (1. 'номер телефона', 2. 'номер/комната в гостинице', 3. 'номер/подготовленное сценическое выступление или его часть').

Пример 1: *Дайте мне, пожалуйста, ваш номер, я запишу*. Здесь русское слово используется в своем первичном, базовом значении, процент ошибки при семантизации — нулевой.

Пример 2: *Номер на первом этаже — очень хороший*. В данном случае было отмечено 28 % ошибочных семантизаций ('комната/номер в гостинице'), несмотря на наводящий контекст «на первом этаже».

Пример 3: *Её театральный номер всем понравился*. В этом случае было также отмечено 28 % ошибочных семантизаций ('номер' вместо 'выступление'), несмотря на наводящий контекст «театральный». Таким образом, возможно сделать вывод о том, что возможность ошибочной семантизации вторичных значений многозначного слова (пример 2 и 3) увеличивается, как минимум, в 20 % случаев.

4.4.3. В состав контрольного теста были включены задания на проверку степени владения синтагматическими ограничениями, сочетаемостью отдельных русских слов, являющихся частью клишированных выражений.

	Это пра- вильно		Это пра- вильно
У неё высокое образование	42 %	У неё высшее образование	75 %
Это не представит проблемы	67 %	Это не составит проблему	42 %
Играет большое значение	25 %	Имеет большое значение	75 %
Имеет важную роль	50 %	Играет важную роль	83 %

Источник: TEST 2

Как можно понять из таблицы, были выбраны четыре фразы, записанные в двух вариантах — ошибочном и правильном. Разница между предложениями связана не с общим смыслом фразы, а скорее с правильной сочетаемостью комбинируемых слов. Показанные результаты (доля правильных ответов колеблется от 42 % до максимум 83 %, доля ошибочных от 25 % до 67 %) делают возможным вывод о том, что для билингвов различение сочетаемостных различий весьма сложная задача, поскольку для этого необходимо детальное понимание смысловых оттенков, развитое языковое чутье и интенсивный контакт с литературным языком (регулярное чтение качественных текстов на русском языке, написанных с соблюдением литературной нормы).

4.4.4. Тестирование словообразовательной компетенции также указало на наличие определенных ограничений в языковой компетенции билингвов. В предложенных фразах респонденты должны были с учетом позиции слова в предложении вписать словообразовательный дериват, отталкиваясь от указанной словообразовательной основы.

Пример 1: Я еду учиться в (какой? прилагательное, 'который в столице') столичный университет. Поскольку в данном случае нужно было указать частотное слово, большинство информантов указало правильный дериват *столичный*. Только в одном случае был указан необычный вариант — **столически*.

Пример 2: Зарплата сильно падает и это плохо = (глагольное существительное, 'когда всё падает') Падение зарплаты всех очень беспокоит.

В этом случае было большее количество ошибочных ответов, даны были также варианты *упадок* и *падание*, не соответствующие заданному контексту ни по значению, ни по форме.

Пример 3: Проценты выросли в три раза = Проценты утроились (одно слово, возвратный глагол с корнем — *трой*). Именно этот пример вызвал наибольший процент ошибок, только один респондент ответил правильно, были указаны окказионализмы (**потроились*), два респондента обошли сложность, выбрав другой способ и языковые средства.

Показательна и самооценка информантов:

Вопрос	Варианты ответов	Процент ответов
Аналогичное задание на словенском языке я бы выполнил	Гораздо легче	58 %
	Намного легче	18 %
	Одинаково легко/трудно	25 %

Источник: TEST 2

4.4.5. Тестирование владения фразеологическими и идиоматическими единицами русского языка у билингвов также выявило значительные ограничения. Респонденты получили задание найти соответствия между избранными фразеологическими сочетаниями и их значениями. Ожидаемо легкими для них оказались выражения, где были понятны значения всех составных слов, либо же выражения, имеющие аналог в словенском языке (*купить коша в мешке* — *kupiti mačka v žaklju*, *козел отпущения* — *grešni kozel*). В остальных случаях процент ошибок оказался значительно выше:

	Правильно	Неправильно
<i>Бить баклуши</i>	50 %	50 %
<i>Наломать дров</i>	50 %	50 %
<i>Попасть пальцем в небо</i>	50 %	50 %
<i>Тянуть коша за хвост</i>	75 %	25 %

Самооценка трудности задания также показала, что фразеологические обороты действительно оказались сложным заданием для билингвов.

Вопрос	Варианты ответов	Процент ответов
Аналогичное задание на словенском языке я бы выполнил	Гораздо легче	67 %
	Намного легче	8 %
	Одинаково легко/трудно	17 %

Источник: TEST 2

Похожую картину показал тест понимания/знания русских пословиц и поговорок: пословица, имеющая точный (дословный) эквивалент в словенском языке, была понята без затруднений в отличие от пословиц, словенского эквивалента не имеющих.

	Поняли правильно	Знали раньше
<i>Не копай яму другому, сам в неё упадешь</i>	100 %	50 %
<i>Язык до Киева доведет</i>	75 %	48 %
<i>Лучшие синица в руке, чем журавль вдалеке</i>	67 %	33 %
<i>Не говори гоп, пока не перепрыгнешь</i>	67 %	25 %

Источник: TEST 2

5. Отступления на синтаксическом уровне

В связи с ограниченным объемом статьи мы укажем только некоторые типичные случаи наблюдаемых отклонений от языкового стандарта на синтаксическом уровне.

Наибольшей частотностью и регулярностью проявления отличается использование условного союза *если* в изъяснительных придаточных предложениях.

Пример 1: *Я не знаю, *если это правильно (правильно ли это).* Правильным это предложение посчитало 60 % респондентов. Интересно, что отступление от стандарта в данном случае, по-видимому, не стоит объяснять исключительно влиянием словенской синтаксической модели *Ne vem, če/ali je to narobe*, — а скорее типологической недостаточностью/неяркостью русской модели, где важной в смысловом отношении вопросительной частице *ли* не хватает эксплицитности,

выраженности, частица не несет на себе фразового ударения, поэтому русская синтаксическая модель не выдерживает конкуренции с более ясной синтаксической моделью, которую информанты заимствуют из словенского языка²⁷.

Похожий пример: *Ты меня спрашиваешь, *или в гимназии хороший выбор.* 25 % респондентов посчитали это предложение правильным.

Пример 2: **Потому что ты хочешь учиться в нашей гимназии, я тебе все напишу.* 90 % респондентов считает, что это предложение совершенно правильное. При этом в русском языке действует правило, что причинный союз *потому что* никогда не начинает предложения, используется всегда в постпозиции. Если причина выражается в начале фразы, этот союз должен быть заменен разговорным союзом *раз* (*Раз ты хочешь учиться в нашей гимназии, я тебе все напишу*) либо литературным союзом *поскольку* или *так как* (*Поскольку ты хочешь учиться в нашей гимназии*). Влияние словенской синтаксической модели, где положение аналогового причинного союза *ker* (*потому что*) в начале или в середине синтагмы никак не ограничено, здесь очевидно. Мы также считаем, что вышеуказанная тенденция экономии и упрощения языковой системы последовательно приводит к устранению дистрибутивных ограничений наиболее частотного союза, который в речи билингвов становится практически универсальным. Возможные варианты замещения и решения при этом, как правило, игнорируются.

Пример 3: регулярные сложности у наших респондентов связаны с различием краткой и полной формы русских прилагательных, используемых в разных синтаксических функциях. В русском языковом стандарте в функции именного сказуемого, как правило, выступают краткие формы прилагательных²⁸, в то время как билингвы последовательно используют преимущественно полные формы прилагательных: *город не так *интересный (интересен), ваш подарок нам очень *дорогой (дорог), мой сын мне очень *дорогой (дорог).*

Статистика ответов показывает, что в этом случае процент ошибок колеблется от 5 % (*Ваш подарок мне очень *дорогой (дорог)*) до мак-

²⁷ То же самое отклонение регулярно наблюдается в речи русскоязычных детей-билингвов в Америке, Италии и Израиле [Перотто, Нижник 2014].

²⁸ Хотя возможны и полные формы: *Он — хороший; Он — хорош.* Снова мы сталкиваемся с отсутствием однозначных эксплицитных правил.

симум 21 % (*Эта книга мне *дорогая (дорога)*). Фраза *Оценки не так *важные (важны)* кажется правильной большей половине респондентов (54 %). Очевидно, этот языковой сегмент частичного функционального несовпадения предсказуемо вызывает высокий процент ошибок.

Пример 4: *У неё *есть красивые глаза*. Как уже отмечали отдельные исследователи²⁹, использование русской посессивной конструкции '*У кого что есть*' не удается описать в четких однозначных правилах, которые могли бы определить условия, когда конструктивный элемент *есть* используется, а когда нет. По всей вероятности, элемент *есть* не используется/опускается, если речь идет о выражении само собой разумеющихся фактов. Неясность законов функционирования в данном случае является главной причиной ошибок в 23 % ответов. Кстати, отметим, что именно случаи, когда отсутствуют однозначные эксплицитные правила корректного использования того или иного элемента языковой системы, являются своего рода лакмусовой бумажкой, с помощью которой можно с легкостью отличить естественного билингва (усваивающего язык из реального общения) и билингва, изучающего русский язык в искусственной среде (класс).

Пример 5: весьма часто, фактически регулярно в случае словенско-русского билингвизма наблюдаются отклонения в использовании русской частицы *тоже*. Дело в том, что словенская частица *tudi*, с которой билингвы чаще всего связывают русскую частицу *тоже*, в словенском языке имеет существенно более широкое значение, чем русский аналог. Широкое значение словенской частицы в русском языке покрывается как минимум двумя русскими частицами, *тоже* и *также*.

tudi	тоже (=) тождественность
	также (+) добавление, перечисление

Русская частица *тоже* означает тождественность. В простейшем диалоге: *Я тебя люблю. Я тоже тебя люблю* — эта частица выражает тождественность чувств/действий различных субъектов (*люблю* 1 = *люблю* 2).

²⁹ См. [Derganc 2009].

Русская частица *также* в то же самое время используется для добавления, перечисления различных объектов, действий, поэтому в фразе *Я его хорошо знаю, уважаю, а также люблю* возможно использование только этой русской частицы (*знаю, уважаю + люблю*). Использование частицы *тоже* в этом случае неприемлемо и таким образом является отступлением от русскового языкового стандарта, наблюдаемым в 33 % случаях.

6. Настоящую статью завершает список наиболее характерных отклонений от русского языкового стандарта, регулярно наблюдаемых в речи русско-словенских билингвов³⁰.

Отклонение	Комментарий
Просодия: ошибочное ударение	Особенно примеры с переменчивым местом ударения в рамках одной парадигмы
Фонетическая запись (отражение на письме аканья, редукции гласных в безударных слогах)	* <i>памѐму шѐта</i>
Непоследовательное обозначение мягких и твердых согласных (запись мягкого знака, путаница букв <i>и</i> и <i>ы</i> в положении после согласных, непоследовательная запись йотированных и нейотированных согласных (<i>е</i> и <i>э</i> , <i>ё</i> и <i>о</i>), шипящих фонем)	* <i>прѝвѝкла</i> (<i>привыкла</i>), * <i>забѝл</i> (<i>забыл</i>) * <i>позволяет</i> (<i>позволяет</i>), * <i>вместѝе</i> (<i>вместе</i>), * <i>поѝтому</i> (<i>потому</i>), * <i>ѝтот</i> (<i>этот</i>), * <i>ѝсть</i> (<i>есть</i>).
Упрощение — аналогическое выравнивание парадигмы именного (существительное, местоимение, прилагательное) и глагольного формообразования в сторону большего единообразия, калькирование форм из словенского языка	много * <i>преподавателев</i> / * <i>трудности</i> * <i>выпускные</i> , * <i>стариц</i> , * <i>вкусные</i>

³⁰ Мы отдаем себе отчет в том, что полный список таких отклонений пока еще ждет своего часа.

Непоследовательное использование категории одушевленности (особенно во мн.ч.)	<i>Хотел *все, кто читает роман, предупредить</i>
В предложениях, содержащих отрицание, прямой объект используется в Род.падеже (калькирование словенской синтаксической конструкции)	<i>*Хороших оценок не трудно получить</i>
Использование полных форм прилагательных в функции именного сказуемого вместо кратких	<i>Оценки не так *важные</i>
Нетипичные для русских сложности с использованием посессивной конструкции <i>У меня есть</i>	<i>У неё *есть красивые глаза</i>
Использование СВ вместо НСВ, отступления при формировании глагольных форм будущего времени	<i>Он никогда не забыл *своей учительницы Я буду посмотреть</i>
Межъязыковая омонимия, затрудняющая различение значений между похожими формами и словами	<i>*Какие русские знаменитости вы знаете? Я это делаю *за тебя (=для)</i>
Упрощение языковой системы /симплификация/, меньше языковых средств с неоправданно расширенным значением	<i>Мы *шли в Москву два раза *Кроме учебы у вас будет что делать</i>
Порядок слов в зависимых предложениях причины, калькирование словенских синтаксических конструкций	<i>Я не знаю, *если это правильно Я тебя знаю, уважаю, а *тоже люблю</i>

7. Заключение

В большинстве случаев наши информанты показали достаточно высокую, но при этом ограниченную языковую компетенцию на русском языке, что мы оцениваем как доказательство постепенной *пассивизации*, иллюстрирующей *несбалансированное двуязычие*, проявляе-

мое информантами в различной степени³¹. Это означает, что языковая система функционально ограниченного языка (ФОЯ) в случае длительного контакта с функционально доминирующим языком окружения (ФДЯ) становится *менее витальной* — потери наблюдаются в степени автономности ФОЯ, стабильности и вариативности имеющихся языковых средств ФОЯ в компетенции билингва.

В качестве отличительных особенностей ФОЯ можем выделить негативный языковой перенос (интерференцию) на различных языковых уровнях, симплификацию, т. е. упрощение языковой системы, стремящейся к выделению ограниченного набора языковых средств, значение которых неоправданно расширено в сторону универсализации (в результате выравнивания по аналогии и по частотности, последовательного опущения разного рода исключений и нестандартных случаев), ограниченное словообразование, нестабильное использование вспомогательных, менее осознаваемых и самостоятельных элементов языковой системы (предлогов, союзов, модальных слов, различных индикаторов дискурса).

В качестве важного фактора, провоцирующего языковые отклонения от стандарта, мы выделяем *частичное*, т. е. *неполное* совпадение элементов контактирующих языковых систем, *неполное* совпадение форм и значений. Именно в этих случаях для сбалансированного (идеального) билингвизма требуется точная, детальная дифференциация обеих систем, что возможно лишь в случае постоянного общения с уверенными носителями ФОЯ. Обнаружение и описание потенциально слабых и неустойчивых зон контактирующих языковых систем создает базу для дальнейших типологических сравнений систем русского и словенского языков, облегчает создание контрастивных языковых пособий для русско-словенских билингвов. Мы надеемся, что данная статья поможет осознать актуальность дальнейших научных и педагогических усилий в этой области.

³¹ Важно указать, что среди наших информантов были установлены малочисленные примеры фактически идеального двуязычия.

Источники

- TEST 1** = интернет-анкета Тест для родителей (<https://www.1ka.si/a/68300>), доступ 9.9.2015 г.
- TEST 2** = интернет-анкета Тест по русскому языку (<https://www.1ka.si/a/68599>), доступ 9.9.2015 г.
- СОЧИНЕНИЯ** = сочинения по русскому языку (архивные материалы по ЕГЭ), 2013–2015 гг., осенний и весенний срок.
- АУДИОЗАПИСИ** = аудиозапись интервью (20 полуструктурированных интервью) хранятся у автора статьи.

Литература

- Дерганц, Урбас 2009 — *Дерганц А., Урбас Я.* Состояние преподавания русского языка в Словении, Русский язык как инославянский: современное изучение русского языка и русской культуры в инославянском окружении // *Ruski jezik kao inoslovenski: savremeno izučavanje ruskog jezika i ruske culture u inoslovenskom okruženju*. 1. 2009. S. 53–50.
- Комарова 1997 — *Комарова Т.* Русский язык в Люблянском университете // *Mitteilungen für Lehrer slawischer Fremdsprachen* 73. 1997. C. 104–108.
- Месарич, Макарова Томинец 2016 — *Месарич Ю., Макарова Томинец И.* Дидактическая модель Целевой программы дополнительного образования по русскому языку для детей-билингвов на примере Люблянской школы дополнительного образования «Весёлые ребята» (Словения): сб. мат-лов XVII Междунар. научно-практич. конф. «Русское культурное пространство». М.: Инс-т рус. яз. и культуры МГУ, 21.04.2016.
- Перотто, Нижник 2014 — *Перотто М., Нижник М.* «По-русски говорим мы с детства...»: из опыта неформального обучения русскому языку в Израиле и в Италии // *Инструментарий русистики: ошибки и многоязычие* / Под ред. А. Мустайоки и др. Хельсинки: Хельсинский университет, 2014 (*Slavica Helsingensia* 45). C. 75–95.
- Полинская 2010 — *Полинская М.* Русский язык первого и второго поколения эмигрантов, живущих в США // *Instrumentarium*

- of Linguistics: Sociolinguistic Approaches to Non-Standard Russian / Под ред. А. Мустайоки, Е. Протасовой, Н. Вахтина. Хельсинки: Хельсинский университет, 2010 (*Slavica Helsingensia* 40). C. 314–328.
- Derganc 2008 — *Derganc A.* Še o razliki med vzhodnim in zahodnim tipom delovanja glagolskega vida v slovanskih jezikih, *Slavističnarevija* 56 (2008). št. 2. S. 537–543.
- Derganc 2009 — *Derganc A.* Nekaj misli ob izražanju glagolske svojilnosti v ruščini in slovenščini: Some remarks on the verbal expression of possessiveness in Slovene and Russian // *Rusko-slovenskidnevi*, v Ljubljani, maj 2009. Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete, 2009. S. 11–15.
- Ellis 1997 — *Ellis R.* The study of second language acquisition. Oxford: Oxford University Press, 1997.
- Gardner, Lambert 1972 — *Gardner R. C., Lambert W. E.* Attitudes and motivation in second language learning. Rowley, MA: Newbury House, 1972.
- Kagan, Dillon 2001 — *Kagan O., Dillon K.* A new perspective on teaching Russian: focus on the heritage learner, *Slavic and East European Journal* 45 (2001), št. 3. S. 507–518.
- Komarova i dr. 2014 — *Komarova T., Makarova I., Kastrevc M. P., Vozelj I.* Ruščina: [2014]. Ljubljana: Državni izpitni center, 2012. (Predmetni izpitni katalog za splošno maturo.)
- Medvešek, Bešter 2012 — *Medvešek M., Bešter R.* Položaj priseljenskih jezikov v Sloveniji // *Jezik in slovstvo* 57 (2012). št. 3–4. S. 5–27.
- Paradis 2004 — *Paradis M.* A neurolinguistic theory of bilingualism // *Studies in bilingualism* 18. Amsterdam: John Benjamins, 2004.
- Perotto 2009 — *Perotto M.* Lingua e identità dell’emigrazione russofona in Italia. Napoli: Liguori, 2009.
- Pilipenko 2015 — *Pilipenko G.* Odnos uporabnika do norme: Slovenci v Rusiji // *Obdobja* 34: Slovnica in slovar — aktualni jezikovni opis (2. del). Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete, 2015. S. 277–283.
- Polinsky, Kagan 2007 — *Polinsky M., Kagan O.* Heritage languages: in the «Wild» and in the Classroom // *Language and Linguistics Compass* 1 (2007). št. 5. S. 368–395.
- Požgaj-Hadži, Kranjc 2002 — *Požgaj-Hadži V., Kranjc S.* O simultanom slovensko-hrvatskom bilingvizmu // *Strani jezici* 30. 2002. št. 3. S. 129–140.

- Šabec 2002 — *Šabec N.* Half pa pu: the language of Slovene Americans. Ljubljana: Studia humanitatis, 2002.
- Vozelj, Urbas 2008 — *Vozelj I., Urbas J.* Učni načrt: Ruščina: gimnazija: splošna, klasična, strokovna gimnazija: obvezni predmet in matura (420 ur), izbirni predmet (140 ur). Ljubljana: Ministrstvo za šolstvo in šport. Zavod RS za šolstvo, 2008. (электронный источник)

Голяховска Э. (Польша)

СИМВОЛИЧЕСКАЯ ЦЕННОСТЬ И КОММУНИКАТИВНАЯ ФУНКЦИЯ БЕЛОРУССКОГО И ПОЛЬСКОГО ЯЗЫКОВ В БЕЛАРУСИ

Современная языковая ситуация в Беларуси характеризуется сложностью и неоднородностью¹. В отдельных районах Беларуси мы встречаемся с различными коммуникативными ситуациями и разнообразными языковыми кодами. В сельской местности все еще живы белорусские говоры, хотя слышится также русский язык. В городе преобладает русская речь. В различных коммуникативных ситуациях определенное место отводится и польскому языку, который характерен в основном для западной части страны. Необходимо заметить, что польский и белорусский языки совершенно иначе функционируют среди людей старшего поколения и среди молодежи. Ключевыми понятиями описания языковой ситуации в Беларуси является многоязычие, диглоссия, престиж языка, идеолектальная дифференциация и сферы использования отдельных языков. Особо следует отметить символическую ценность польского языка² для польского меньшинства в Беларуси, а также символическую ценность белорусского языка для большинства граждан этой страны.

¹ Статья написана на основании исследований, проведенных в Беларуси в рамках гранта Национального научного центра (NCN), Nr N N104 071837 «Язык католиков в Беларуси». В результате была опубликована монография «Jak mówić Pana Boga? Wielojęzyczność katolików na Białorusi na przełomie XX i XXI wieku». Социолингвистические исследования в Беларуси в дальнейшем проводятся автором.

² Проблематика, связанная с вопросами символической ценности языка, требует более широкого рассмотрения, чего не позволяет краткая публикация. С ней связана также проблема определения «родной язык», различно трактуемого в польской и русской лингвистической и общественной традиции.